

ОТЗЫВ ОППОНЕНТА
о диссертации Комлевой Евгении Владиславовны
«Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения
Северной Азии (конец XVIII-XIX век)»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 07.00.02 – отечественная история

Актуальность темы, которую Евгения Владиславовна предлагает к исследованию, на сегодняшний момент не вызывает сомнений. Во-первых, купечество, действительно представляло собой сословие, сыгравшее одну из ключевых ролей в деле освоения азиатских пространств Российской империи. Причем, не только в экономической инкорпорации обширных просторов Северной Азии в Российское государство, но и в культурной колонизации региона. Во-вторых, проблема глубокого анализа используемых на протяжении длительного периода и в различных видах деятельности социокультурных практик какой-либо группы населения, осуществляющей цивилизационную экспансию на новые территории, трансформации этих практик под влиянием внешних обстоятельств позволяет в дальнейшем перейти к более глубокому осмыслению вопроса о транслировании определенной системы ценностей во времени и пространстве.

Научная новизна исследования заключается в самом ракурсе научного анализа, объединяющем в одном проблемном поле экономическую, просветительскую, благотворительную деятельность предпринимателей Сибири с точки зрения их гуманистических потребностей, единых ценностей, характерных для купечества региона. Глобальность территориальных (вся Сибирь) и хронологических (более столетия) рамок исследования, с одной стороны, существенно усложнили работу диссертанта над проблемой, но, с другой, вывели автора на совершенно новый уровень обобщений в отношении социокультурного облика сибирского купечества, которое выступает в работе одновременно и как смыслоформирующая социальная группа, и как транслятор этих смыслов вовне через разнообразные практики.

Цель исследования, по словам автора (С. 12) состоит в том, чтобы «выявить распространенные в среде сибирского купечества в конце XVIII – XIX в. социокультурные практики, определявшие участие купцов в освоении Северной Азии, включение региона в экономическое и культурное пространство Российской империи; раскрыть влияние на этот процесс присущих купцам мировоззренческих установок».

Такая постановка цели, с одной стороны, вполне логично вытекающая из темы исследования, с другой стороны, объективно ставит перед автором огромное множество исследовательских задач. Это требует от исследователя отточенных навыков владения методологическими инструментами, усиленного внимания к логике описываемых процессов, четкого категориального аппарата, внимательного отношения к формулировке собственных умозаключений и очень жесткого подхода к фактическому материалу. При таком обширном поле исследуемых факторов и обстоятельств исследователю требуется решительно отсекаать «зерна от плевел», включая в свою работу только самые необходимые факты и события для максимально полного и глубокого анализа проблемы.

Однако само понятие «социокультурных практик», как отмечает автор, еще недостаточно сформировалось применительно к историческим исследованиям, что создает для исследователей ощутимые трудности. На С. 63 Е. В. Комлева пишет, что «обычно под этим словосочетанием понимается любая созидательная деятельность человека, при которой изменяется и окружающая действительность, и сам человек». Однако, *на наш взгляд, данное определение совершенно неконкретно, поскольку тогда под социокультурными практиками могут пониматься абсолютно любые действия*

человека. Ведь деятельность, как совокупность действий – это процесс активного преобразования человеком действительности и познание мира с целью удовлетворения своих потребностей.

Автору следовало в самом начале своего исследования очень четко, прежде всего для самого себя, определить содержание ключевого для диссертации понятия, чтобы в дальнейшем, отгалкиваясь от этого содержания, выстроить логичную структуру диссертации. *Направления (?) социокультурных практик, которые диссертант перечисляет с опорой на работы Е. А. Рядченко и О. Н. Астафьевой (С. 63) – «поддержание здоровья, социальные отношения, социализация и образование, трудовая активность, отдых и развлечения» - выстроены в соответствии с абсолютно разными основаниями. Ведь социализация предполагает социальные отношения, впрочем, как и труд с образованием. Непонятно, куда при этом относится семейная жизнь. И вот это отсутствие четкого понимания, чем же все-таки социокультурные практики отличаются от деятельности, не дает диссертанту дальше максимально четко определиться с конкретной исследовательской программой.*

Достижение заявленной в диссертации цели планируется автором через решение ряда исследовательских задач: выявление общих черт сибирского купеческого предпринимательства и его региональных особенностей; изучение особенностей деловой этики сибирского купечества; анализ социального статуса и социальной роли представителей купеческого сообщества Сибири; определение влияния этнической и гендерной принадлежности представителей купечества на их хозяйственные и культурные практики; исследование эволюции культурно-образовательного уровня и ценностных ориентиров купцов и т.д.

В целом, указанный перечень задач представляется вполне логичным и обоснованным. Однако, очень обширный перечень аспектов, в связи с которыми автор предполагает проанализировать социокультурные практики купцов Сибири, все же, на наш взгляд, следовало привести к «общему знаменателю». Такой прием значительно облегчил бы жизнь исследователя, поскольку дал бы ему в руки очень удобное орудие для научной работы.

В данном случае имеется в виду некое общее основание, которое возможно было бы подвести под разговор о самых разнообразных вариантах социокультурной деятельности. Поскольку тема диссертации связана с освоением Северной Азии, можно было бы именно это «освоение» и сделать ключевой категорией, ведя разговор об освоении:

- хозяйственном (экономическом);
- социальном (через анализ социальных связей купцов, продвигавшихся все дальше на восток, их социальной иерархии, благотворительных и общественных практик);
- интеллектуальном (через изучение территорий и просвещение местных жителей);
- ментальном (через распространяемые привычки, обычаи, насаждение особого образа жизни, новой деловой этики, христианизацию).

Каждую из этих «линий освоения» далее можно было анализировать с позиций ценностных характеристик. Поскольку любые социокультурные практики теснейшим образом связаны с аксиологическим компонентом, ценностными ориентациями, мировоззренческими установками личности или социальной группы, можно было бы именно их положить в основание исследовательской системы. Отгалкиваясь от этого, можно было бы рассуждать о способах и методах ведения купцами коммерции и распространении их делового опыта на новые пространства и сферы бизнеса, о трансформации деловой этики. Далее следовали бы сведения о социальном статусе и социальной роли сибирского купечества на новых территориях, об индивидуализме/коллективизме купцов, степени важности семейных, соседских или корпоративных связей в купеческой среде, о взаимоотношениях купцов с

представителями других сословий, об общественной деятельности купечества. Затем можно было перейти к разговору о причинах участия купечества в развитии системы образования и его научно-просветительской деятельности на осваиваемых землях. Завершающим же стал бы сюжет о насаждаемом купечеством в Северной Азии нового, купеческого образа жизни с соответствующими поведенческими привычками и бытом.

Причем, о ценностях, присущих купеческому сословию в различных сферах его жизнедеятельности, можно было говорить в разрезе их эволюции, начиная с традиционных ценностей, присущих всему купечеству России (традиционализм, религиозность и пр.), затем сосредотачиваясь на специфике структуры ценностного мира сибирского купечества (например, категории свободы), далее переходя к разговору о новых ценностях как смыслообразующих основаниях человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни в новых условиях (например, к понятию социальной ответственности).

Внутренняя логика диссертационного исследования ярче всего проявляет себя при сравнении сформулированной темы, структуры работы, исследовательских задач и положений, выносимых на защиту. В связи с этим следует отметить, что, на наш взгляд, в структуре диссертации (названиях глав и параграфов) недостаточно отражается проблема социокультурных практик сибирского купечества. Мы не будем подвергать в этом плане анализу первую главу, носящую историографический характер.

Вторая глава работы посвящена хозяйственным практикам сибирского купечества, сочетанию традиций и новаторства в трудовой деятельности коммерсантов. При этом названия параграфов имеют совершенно разные категориальные основания (2.1 – посвящен внешним, объективным условиям профессиональной деятельности купечества; 2.2 – специфике купечества различных регионов Сибири; 2.3 – этнической характеристике сибирского купечества; 2.4 – их гендерной характеристике). На наш взгляд, логичнее было бы построить эту главу на основе анализа различных сфер хозяйственной деятельности сибирских купцов – торговли, производства, промыслов, сферы услуг, банковского дела и т.д. Или, исходя из названия, на противопоставлении традиционного и новаторского подхода к профессиональной деятельности.

То же можно сказать и в отношении третьей главы, посвященной морально-этическим основаниям и культуре купеческого предпринимательства. Ее параграфы повествуют о деловой этике купечества (§ 3.1), эволюции представлений о «совершенном купце» (§ 3.3), взглядам купцов на назначение коммерции (§ 3.4) и, в то же время, специфике ведения купцами хозяйственной документации (§ 3.2). Во-первых, мы не уверены, что хозяйственная документация располагалась в плоскости морально-этических основ предпринимательства. Во-вторых, «практика» - это все же деятельность, соответственно в исследовании социокультурных практик речь должна идти, прежде всего, о действиях, совершаемых под влиянием существующих взглядов, представлений, принципов, а не о самих взглядах и представлениях.

Глава четвертая повествует об интеллектуальном и ментальном освоении купцами Северной Азии. Название главы полностью соответствует теме, однако разбивка главы на параграфы вызывает ряд вопросов. Во-первых, почему музейное дело было поставлено особняком от остального просвещения? Во-вторых, зачем автор отдельный параграф отвел освоению сибирским купечеством зарубежных территорий, если в теме диссертации четко указано, что разговор будет вестись об освоении Северной Азии?

Пятая глава носит источниковедческий характер. Обычно, анализ имеющихся в распоряжении автора источников в докторских диссертациях в несколько урезанном виде располагается в первой главе, в параграфе, посвященном источниковой базе

исследования. Поэтому странно, что автор «выделил» под детальный обзор источников целую главу, да еще и разместил ее в самом конце работы.

Сосредоточенный в последней главе фактологический материал, на наш взгляд, мог бы выступить в качестве великолепного дополнения к предшествующим параграфам, расширяя представления о социокультурных практиках купцов Сибири за счет внешних оценок. Вообще следует подчеркнуть, что автор прекрасно умеет работать с исходным материалом, обладает навыками глубокого и детального анализа источников. Именно это обстоятельство можно отнести к «изюминкам», наиболее интересным и ярким сторонам представленной диссертации.

Автор структурировал исследование в 23 параграфа, каждый из которых, по логике, должен быть направлен на решение какой-либо исследовательской задачи. Решение же этой задачи должно привести автора к формулировке положения, выносимого на защиту, поскольку докторская диссертация предполагает новое решение важных задач теоретического или практического свойства. Однако задач в исследовании сформулировано всего 10, а положений, выносимых на защиту 8.

Важным аспектом докторской диссертации представляются избранные автором методологические и методические подходы. К сожалению, Е. В. Комлева не стала выделять под анализ методологии исследования отдельный параграф, ограничившись лишь рассуждениями на С. 13-22 во Введении. Эта часть исследования также наталкивает на ряд вопросов и приглашает к дискуссии.

Автор так и не дает четкого ответа на вопрос о том, какой именно подход лежит в основе его исследования – формационный? цивилизационный? модернизационный? Отсюда вытекает вопрос о том, в какой плоскости в диссертации исследуется эволюция социокультурных купеческих практик – от ценностей феодального общества к ценностям общества буржуазного? от традиционных ценностей к ценностям индустриального общества? от общероссийских ценностей к ценностям, сформулированным в условиях Северной Азии?

Е. В. Комлева избегает упоминания в диссертации такого направления исторических исследований, как «история «повседневности», хотя и называет в качестве основоположников новых теоретических подходов к исторической науке М. Вебера, Ф. Броделя, М. Блока и «школу Анналов» в целом. В качестве основной методологической базы исследования автор выбирает «новую историческую науку», осваивающую реальность через локальную историю и историческую антропологию (С. 16). Это обстоятельство приводит автора к идее междисциплинарности и антропоцентризму.

В то же время, исследователь обращает внимание и на такие направления исследования, как интеллектуальная история, история ментальностей. Е. В. Комлева отмечает: «... в центре нашего внимания – история, в первую очередь, именно их [купцов – Е.Б.] самосознания и мировосприятия, эволюция господствовавших в купеческой среде представлений и ценностных ориентиров, выявление как индивидуальных особенностей, так и черт, присущих всему рассматриваемому социальному слою, того, как ментальные установки влияли на образ жизни, хозяйственную практику и общественную позицию купцов» (С. 18). Таким образом, основной акцент при изучении социокультурных практик купечества автор предполагает сделать на его ценностных ориентирах, ментальных установках, самосознании и мировосприятии.

Не отказывается исследователь и от социально-психологического подхода, и от теории социально-культурной деятельности, и даже от элементов Urban History, воспринимающей купечество в качестве элемента городской среды. Подобная многогранность, с одной стороны, делает автору диссертации честь, поскольку соединение в рамках одного исследования таких разных, хотя и схожих в чем-то, теоретических подходов представляется очень сложной задачей. С другой стороны, все

эти разнообразные методологические схемы предполагают отличные друг от друга способы освещения проблемы, различные точки зрения на проблему, специфические акценты в рамках результатов исследовательской деятельности. Увязать их в единое целое не всегда представляется возможным. Поэтому, как нам кажется, *автор вполне мог остановиться на исторической антропологии и истории ментальностей, как на базовых методологических основаниях своего исследования, поскольку именно они максимально близко подходят друг к другу в плане исследовательских механизмов и приемов, а также наиболее соответствуют заявленной цели диссертации.*

Историография изучения сибирского купечества излагается автором в первой главе диссертации. Объект исследования изучается максимально широко, не только в свете его социокультурных практик, но и в отношении хозяйственной деятельности, внутренней структуры и других аспектов его существования. Изложение ведется вначале по хронологическому принципу, затем исследователь переходит к анализу западноевропейских и американских трудов, посвященных купечеству Сибири. Последний параграф посвящен библиографическим справочникам по истории сибирского купечества.

Автор преимущественно обозначает направления исследований, предпринятых его предшественниками. Так, в параграфе о дореволюционной историографии речь идет о летописях, трудах ученых-путешественников, анкетах о стоянии городов, энциклопедических словарях, экономико-статистических и краеведческих исследованиях, очерках. То есть, в основном, автор говорит о типах или жанрах представленной научной литературы. *Здесь же имеется упоминание о работах самих сибирских купцов и купеческих воспоминаниях. На наш взгляд, данные работы следовало отнести к источникам, поскольку даже в научных текстах, создаваемых купцами, вполне прослеживаются их ценностные и мировоззренческие установки, которые и исследует автор.*

В рамках анализа советского этапа историографии Е. В. Комлева отмечает расширение проблематики научных исследований в отношении купечества. Однако *оценочных мнений, высказываемых советскими учеными в отношении социокультурного облика и соответствующих практик сибирских купцов, в тексте содержится немного. Упоминаемое же автором мемуарно-эпистолярное наследие декабристов, публикуемое в советский период и содержащее сведения о сибирском купечестве, на наш взгляд, также можно было бы отнести к источникам.*

Освещение современного историографического этапа Е. В. Комлева начинает с документальных изданий, знакомящих читателей с эго-документами сибирских купцов. *Как нам кажется, этот материал является в большей степени источниковым, нежели историографическим, и должен быть отнесен к соответствующему разделу диссертации.*

Далее автор перечисляет наиболее авторитетных сибирских ученых и основные направления их научной деятельности. При этом, к сожалению, не делается акцент на оценке этими учеными социокультурных практик сибирских предпринимателей. В то же время, анализ благотворительных практик сибирских коммерсантов (С. 118-121), купеческой ментальности (С. 121-123) и социокультурного облика (С. 123-127) сибирского купечества, осуществляемый современными сибирскими авторами, представлен в диссертации Е. В. Комлевой довольно полно.

В целом, историографический обзор работ предшественников автора диссертации оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, Е. В. Комлевой проделана колоссальная работа по выявлению и изучению многих десятков и даже сотен публикаций, так или иначе касающихся деятельности сибирского купечества в избранных хронологических рамках. С другой стороны, возможно, *автор значительно упростил бы свою задачу, если бы сосредоточился именно на том, как все*

перечисленные им авторы, относились к купеческим жизненным ценностям, ментальным установкам, поведенческим привычкам и т.п., не отвлекаясь на важные, но, тем не менее, сопутствующие сюжеты генезиса капиталистических отношений, складывания института гильдейского купечества, становления торговли в регионе и пр.

Также автору нужно было отнести работы, созданные в исследуемый хронологический период самими купцами, либо написанные тогда же, но иностранными путешественниками, местными чиновниками, ссыльными декабристами и содержащие информацию о сибирских купцах, к опубликованным источникам. Тогда обзору источниковой базы можно было посвятить один большой параграф, включив туда информацию из пятой главы.

Источники, используемые автором в работе, указаны и проанализированы во Введении (С. 22-61). Следует признать, что автор провел колоссальную работу по анализу архивного материала (в диссертации использованы сведения, почерпнуты из более, чем 40 архивных фондов 16 федеральных и региональных архивохранилищ). К опубликованным источникам Евгения Владиславовна отнесла законы, делопроизводственные документы, актовый материал, данные статистики, экономико-географические и исторические описания, городские летописи, справочники, периодику, художественную литературу, мемуариистику и эпистолярное наследие. Именно купеческим нарративам в диссертации уделено максимальное внимание. «Мемуары и эпистолярный» в библиографическом списке составляют 138 наименований! Также, в качестве источников автор привлекла визуальный материал – фотографии и портреты купцов, а также архитектурные сооружения, связанные с купечеством. Однако в сносках к тексту нами не было обнаружено ссылок на произведения художественной литературы, а визуальный материал отсутствовал в диссертации как приложение.

Глава вторая, как следует из исследовательских задач, призвана представить целостную картину развития купеческого предпринимательства на территории Сибири, выявить как общие черты, так и присущие купечеству отдельных районов региональные особенности хозяйственной деятельности; выявить влияние этнической и гендерной принадлежности представителей купечества на их хозяйственные и культурные практики.

Первый параграф главы, посвященный законодательству в сфере предпринимательской деятельности, на наш взгляд не совсем «вписывается» в разговор о социокультурных практиках, поскольку законодательство, как общегосударственные социальные нормы, весьма поверхностно регулировало систему общественных ценностей, относящихся, скорее к области морали. Тем более, что на С. 157, 183, 184 автор утверждает, что законы в Сибири исполнялись нестрого. Через законодательство можно было понять, чего же ожидает государство от купцов, но не способы взаимодействия купцов с окружающей их реальностью. *В качестве условий предпринимательской деятельности, применительно к теме диссертации, на наш взгляд предпочтительнее было бы говорить об общей ситуации, сложившейся в торговых и промышленных центрах Северной Азии – о численности купечества и его доли в составе городского населения, о соотношении приезжих и автохтонов, об их этническом и конфессиональном составе, об уровне финансовой состоятельности и грамотности коммерсантов и пр. Эти данные позволили бы представить обобщенную картину условий, в которых приходилось действовать сибирскому купечеству.*

В соответствующих положениях, выносимых на защиту, Е. В. Комлева пишет о том, что функционирование купеческого предпринимательства в Сибири определялось законодательной базой, сложившимися традициями и процессами, протекавшими в государстве, что является общим для всего российского купечества. К региональным

особенностям купечества автор относит нестабильность купеческого сословия, малочисленность крупных капиталов, зависимость купцов от местных властей, стремление к экстенсивным вариантам развития, «сильное влияние золотопромышленности на численность, состав, предпринимательство и образ жизни сибирских купцов». Обширность сибирских пространств вызывала необходимость в частых перемещениях коммерсантов на большие расстояния, повышенную потребность в приказчиках, семейственности в организации бизнеса, взаимного кредитования и вообще «более высокого, по сравнению с европейской частью страны, уровня доверия к окружающим» (С. 71).

Полагаем, что постоянная смена участников купеческих корпораций, как и малочисленность крупных капиталов, могут быть отнесены не к региональной, а к общероссийской специфике купечества. Сюда же относятся и неоднозначные отношения купечества с государственными структурами, и конкуренция с крестьянством. На наш взгляд, диссертация существенно выиграла, если бы автор провел ряд сравнений хозяйственных практик сибирских купцов с аналогичными практиками купцов Центральной России. Тогда можно было бы более четко определить специфические региональные приемы ведения купеческого бизнеса.

На С. 177 автор высказывает интереснейшую мысль об экспериментаторстве сибирских купцов. На наш взгляд, именно эта особенность могла бы стать хорошим сюжетом в разговоре о хозяйственных практиках купечества Сибири. Однако Е. В. Комлева, к сожалению, не развивает эту идею до полноценного повествования.

Важную роль диссертант отводит такой сфере приложения купеческих капиталов, как золотопромышленность (С. 179-186). Для анализа социокультурных практик коммерсантов интересным представляется вывод о влиянии рабочих-ссыльных на моральный облик предпринимателей и, в целом, о девиантном поведении золотопромышленников. И здесь хочется порассуждать о том, что же все-таки в большей степени влияло на социокультурные практики предпринимателей – их этно-конфессиональная или гендерная принадлежность, или все-таки сфера приложения их капиталов? И, в связи с этим, вновь вернуться к разговору о структурировании второй главы именно по принципу различных вариантов хозяйственной деятельности купцов.

Трансформация социокультурных практик сибирских предпринимателей во второй половине XIX в., судя по положению, выносимому на защиту, видится исследователю в техническом переоснащении предприятий, попытке «торговать без запроса», во введении рекламных акций. Однако в тексте второго параграфа данная информация отсутствует.

В отношении влияния этнического и гендерного фактора на социокультурные практики купечества, Евгения Владиславовна утверждает, что, несмотря «на некоторую специфику, которая была присуща коммерческой деятельности купцов и купчих разного этнического происхождения и конфессиональной принадлежности, разницу в их мировоззрении и нюансах поведения, конечные результаты их деятельности, с точки зрения освоения новых территорий, были во многом схожи: все они развивали экономику региона, занимались просветительской и благотворительной деятельностью, взаимодействовали с местными властями» (С. 72).

В связи этим возникает вопрос, а что еще могли делать представители купечества, если не взаимодействовать с властями в целях развития собственного дела? И потом вопрос заключался не в том, что делали эти купцы, а в том, как они вели свой бизнес? И здесь просто упомянуть о том, что у купцов различных конфессий имелись «некоторые нюансы» делового поведения, на наш взгляд явно недостаточно. В статьях И. И. Кротта о немецком предпринимательстве, В. Н. Шайдунова о еврейском купеческом сообществе в Сибири четко указывается, что различные

этно-конфессиональные группы занимали собственные ниши в хозяйственной жизни Сибири. У каждой из них конечно-же имелись собственные социокультурные практики, связанные с господствующей религией, обычаями и традициями. Хотелось бы, чтобы в итоге диссертант четко выделил специфику этих практик и именно это знание вынес в положение, выносимое на защиту.

Кроме того, совершенно особым сюжетом мог бы стать разговор о купцах-старообрядцах и специфике их социокультурного облика. Предпринимательская деятельность старообрядцев была уникальным миром, в котором действовали особые правила поведения и коммуникации, уникальные деловые стандарты, специфическая деловая этика. Поэтому, на наш взгляд, автору все же стоило бы остановиться на данном аспекте социокультурных практик сибирского купечества.

Вывод, которым завершается параграф 2.3 – «Бухарцы поддерживали торговлю в среднеазиатском направлении, коммерсанты из числа северных народов ориентировались на своих сородичей и на развитие традиционных для них отраслей хозяйства, еврейское купечество отличалось активностью, предприимчивостью, тесными взаимными связями и поддержкой» (С. 206) – представляется недостаточно конкретным и привязанным к теме исследования. В нем вновь речь идет о том, что делали те или иные купцы, а суть исследования должна заключаться в анализе того, как они действовали. И означает ли данный вывод, что все остальное купечество, помимо еврейского, не отличалось предприимчивостью и тесными внутригрупповыми связями? Но ведь «тесные партнерские отношения между купцами разных городов» (С. 71) были названы автором в перечне специфических черт всего сибирского купечества?

Про особенности «женского предпринимательства» в Сибири Евгения Владиславовна вообще не делает никаких выводов, которые могли бы быть вынесены на защиту. Но ведь очевидно, что «женские практики» в бизнесе отличались от мужских – по сферам приложения капиталов (в золотопромышленности женщин было точно гораздо меньше, чем мужчин), по характеру социальных коммуникаций (если верховенство мужчины в деле не подвергалось сомнению, женщине следовало постоянно доказывать свою способность к руководству семейными капиталами). Женское предпринимательство в патриархальной среде явно имело отличную от мужского мотивацию. Не нашли детального объяснения факты ведения купчихами собственного бизнеса «не только после смерти мужа, но и одновременно с ним, а иногда и совершенно независимо от него» (С. 220).

Глава третья призвана решить сразу несколько исследовательских задач: рассмотреть распространенные в купеческой среде этические нормы и культуру предпринимательства; изучить эволюцию представлений сибирских купцов о назначении коммерции и своем собственном месте в обществе. Это главе соответствует третье положение, выносимое на защиту, в котором автор утверждает, что к концу XVIII в. «в среде сибирского купечества сложилась определенная культура предпринимательства, которая, помимо чисто практических навыков и приемов ведения коммерции, включала также комплекс морально-этических норм и представлений» (С. 72).

На наш взгляд, именно эта глава представляет собой ядро всего диссертационного исследования, поскольку именно в ней идет речь о ценностных ориентирах сибирского купечества, лежащих в основе их социокультурных практик. И поскольку социокультурные практики зависят от социокультурного облика, а не наоборот, на наш взгляд, следовало именно эту главу вынести на первое место. Автор подчеркивает, что в аксиологическом мировоззренческом компоненте сибирских коммерсантов представления об образе «совершенного» купца уживались с различными девиациями. Яркой особенностью менталитета сибирских купцов автор называет «чувство региональной идентичности».

Опираясь на мнения авторитетнейших исследователей сибирского купечества В. Н. Разгона и В. П. Бойко, автор пишет, что «среди купцов преобладал невысокий уровень коммерческой честности, “была широко распространена практика разного рода нарушений законов, обман покупателей, своих приказчиков и работников”» (С. 224). Сама Е. В. Комлева выделяет такие компоненты социокультурного облика сибирского купечества, как семейственность (С. 224), негативное отношение к раздроблению капиталов (С. 230), приоритет торгового дела над промышленным (С. 231), тщательное оберегание коммерческой тайны (С. 240), негативное отношение к умышленному банкротству (С. 246), быстрая адаптация к меняющимся условиям (С. 250), высокий уровень доверия к окружающим (С. 252). Таким образом подчеркиваются позитивные качества сибирского купечества. О негативных чертах диссертант предпочитает не говорить, предлагая обтекаемые фразы, типа: «...Говорить о всеобщей честности в Сибири нет оснований: встречалось немало примеров применения сибирскими торговцами различных некрасивых и даже противозаконных ухищрений, в том числе и по отношению друг к другу» (С. 252). Однако о самих этих «некрасивых» поступках Е. В. Комлева умалчивает.

Если диссертант выделил специальный параграф под деловую этику купечества, хотелось бы, чтобы в нем подробно анализировались принципы, на которых строились отношения предпринимателей с торговыми партнерами, приказчиками и другими работниками, покупателями. Причем не только на основании нарративов самих коммерсантов, но и на основе других источников – эго-документов потенциальных покупателей, прессы, художественной литературы, наконец, ведь единичные цитаты из купеческих писем не дают полной картины. Тогда можно понять, что же сибирские купцы позволяли в своей хозяйственной практике, что было «рекомендуемым поведением», а что подвергалось в их среде осуждению.

В том же параграфе ведется разговор о практических приемах ведения бизнеса сибирскими предпринимателями. Автор уделяет внимание таким аспектам вопроса, как источники первоначального накопления капитала; ассортимент товаров; взаимное кредитование; ведение дел через приказчиков и др. Речь также идет о непрерывных разъездах купцов, их отношениях с деловыми партнерами.

По словам автора, обычно первоначальный капитал «переходил по наследству, наживался трудом (службой у других купцов, мелкой торговлей, участием в подрядах и поставках), доставался при удачной женитьбе». Разбогатеть можно было также через азартные игры. «Иногда толчком к занятию успешной предпринимательской деятельностью могли послужить владение грамотой и чиновничья служба» (С. 226-227). Однако, *остается невыясненным, какой же из перечисленных способов обогащения был наиболее поощряем самими сибирскими купцами? Была ли в этом процессе какая-то динамика? Ответ на эти вопросы мог бы многое сказать о системе ценностей сибирского купечества.*

О таких явлениях купеческого бизнеса, как обмен товара на товар (бартерная торговля), посылка денег с частными письмами, торговля без запроса, организация рекламы, техническое переоснащение купеческих предприятий в тексте упоминается весьма кратко, хотя многие из этих вопросов существенно расширили бы представления о хозяйственной деятельности купечества в Северной Азии.

Вообще хотелось бы, чтобы такой процесс, как промышленный переворот был отражен в диссертации более широко, поскольку реакцией на него были как раз изменения, произошедшие в купеческих социокультурных практиках в профессиональной сфере. Развитие новых видов транспорта, появление электричества, новых средств связи (телеграфа, телефона) явно влияло на то, как именно купцы осваивали пространства Северной Азии.

Параграф второй третьей главы посвящен хозяйственной документации коммерсантов как элементу их деловой культуры. Вообще следует констатировать, что именно аспекты темы, связанные с источниками, исходящими из купеческой среды, исследуются Евгенией Владиславовной максимально глубоко. Это касается и купеческих эго-документов, и их деловой документации.

Внутренний документооборот купеческих предприятий изучается в свете социокультурных практик сибирских предпринимателей. Автор определяет мотив и цель ведения документации, способы работы купцов с документами (регулярность, личное участие), степень объективности содержащейся в документах информации. Вывод об успешной организации и эффективном контроле купеческого бизнеса через ведение товарных, приходно-расходных, долговых книг, счетов, договоров, журналов и т.д. позволяет Е. В. Комлевой делать выводы о степени грамотности сибирского купечества, его профессиональной компетентности. Автор совершенно справедливо отмечает, что «информационный потенциал сохранившихся документов может лечь в основу реконструкции ранее скрытых механизмов ведения купеческого бизнеса в конце XVIII – первой половине XIX в.» (С. 267).

Третий параграф третьей главы, посвященный представлениям об «идеальном» купце, предваряется фразой автора о том, что «хотя между купечеством второй половины XIX в. и дореформенного периода можно найти существенные различия, мнение об «идеале» сохранялось на протяжении десятилетий, подвергнувшись лишь небольшим (впрочем, довольно важным) изменениям» (С. 270). К чертам, которые считались «предпочтительными» в отношении купечества, относились трудолюбие, соблюдение Божьих заповедей, доброе имя, общительность, грамотность, активность не только в профессиональной, но и в общественной деятельности. Высокой ценностью в купеческой среде обладал идеал служения государству. В то же время, для сибирского купечества была характерна высокая самооценка, высокий авторитет в социуме.

К изменениям, произошедшим в купеческой системе ценностей Е. В. Комлева относит, прежде всего, начавшуюся секуляризацию сознания. Однако, на наш взгляд, этим изменения не ограничивались. *В связи с завершившимся промышленным переворотом должны были произойти более масштабные перемены в системе ценностей купечества Сибири. Наверняка большую привлекательность приобрело промышленное производство, его техническое оснащение, новые формы торговли (стационарная, в пассажах), новые нормы коммуникации с работниками и покупателями. Ведь «совершенный» купец не только обладал какими-то социально значимыми нравственными качествами, но и реализовывал себя в социально значимых сферах деятельности.*

Четвертый параграф третьей главы повествует о взглядах купцов на назначение коммерции. *Поскольку тема диссертации связана с процессом освоения Северной Азии, практической реализацией социокультурного облика купечества, теоретические рассуждения о видении социальной роли купцов в их собственных глазах, на наш взгляд, должны были все же предварять разговор об их хозяйственной деятельности.*

По мнению одной группы исследователей, основной потребностью предпринимателей, их жизненной целью было получение прибыли. Этот вывод представляется логичным, поскольку именно от сохранения и приумножения капиталов зависел социальный статус купца, его нахождение в составе данной социальной группы в принципе. Другая группа ученых, к которой принадлежит и Евгения Владиславовна, убеждена, что на первое место купцы ставили все же не личное обогащение, а «достижение всеобщего благоденствия, распространение просвещения и процветание государства» (С. 293).

Полагаем, что истина располагается где-то между этими научными позициями. Несомненно, в России конца XVIII-XIX вв. существовали «просвещенные»

коммерсанты, которые пытались найти равновесие между личным и общественным интересами. Наличие подобных установок можно проследить в одновременном требовании свободы торговли и ее государственной поддержки, в сочетании искренней религиозности и ценности финансового благополучия, в накоплении предпринимателями значительных богатств и широком развитии купеческой благотворительности.

Именно в данном параграфе можно обнаружить информацию о том, как менялись ценностные установки сибирских купцов. Многие представители коммерческого мира Сибири стали приходить к мысли о необходимости создания в России единой разветвленной транспортной сети, развития промышленной сферы экономики (С. 306). Некоторые купцы, увлекшись этими новаторскими идеями, далее переходили к открытому протесту против существующих порядков. Свой вклад в экономическое и социальное освоение новых имперских территорий сибирское купечество в целом оценивало очень высоко, требуя в ответ государственной поддержки и общественного признания.

Четвертая глава диссертации посвящена интеллектуальному и духовному освоению пространств Северной Азии сибирским купечеством. Задачами, поставленными в данной главе, заявлены: выявление изменения культурно-образовательного уровня и ценностных ориентиров купцов; анализ роли купечества в открытии и изучении новых территорий; изучение анализа участия купцов в поддержке образовательных и просветительских организаций и научных изысканиях; исследование религиозной составляющей мировоззрения купцов, их вклада в миссионерское движение и участие в церковно-приходской жизни.

В положениях, выносимых на защиту, ответы на эти задачи сформулированы следующим образом. По словам автора, на смену требования элементарной грамотности в купеческой среде пришло стремление к получению глубокого систематического образования. Это, в свою очередь, привело к активному участию коммерсантов в деле поддержки просвещения. С другой стороны, названный процесс стимулировал выход многих купеческих сыновей из семейного бизнеса, обращение их к вольнодумству и секуляризацию их сознания.

Для полноты картины, как нам кажется, автору следовало все же собрать системную статистическую информацию о числе лиц купеческого происхождения, имеющих начальное, общее или высшее образование, или не имеющих такового вовсе, хотя бы на конец XVIII – начало XIX в. и на конец XIX в. Это позволило бы наглядно увидеть образовательный уровень купечества, его отношение к получению образования и динамику этих взглядов на протяжении столетия. Сведения, приводимые на С. 333 и 334, представляются единичными, а хотелось бы видеть всю ситуацию. Информация о самом процессе обучения в малых и главных народных училищах, гимназиях представляет несомненный интерес, но не имеет прямого отношения к теме исследования.

Филантропическая деятельность купцов Сибири, их финансовая поддержка образовательных и просветительских учреждений, торгово-промышленных и научных экспедиций, издания научных трудов по геологии, географии, биологии, истории и этнографии региона способствовали включению Северной Азии в общеимперское культурное пространство. На достижение этой цели была направлена и поддержка купцами Русской православной церкви в Сибири и православного миссионерства.

По словам автора, «основным стимулом для представителей частного капитала выступала их заинтересованность в получении прибыли от добычи пушнины, разработки залежей полезных ископаемых, освоения новых рынков сбыта. Однако с течением времени, по мере повышения культурно-образовательного уровня купцов и

расширения круга их интересов, в побуждающих их мотивах все большую роль начинает играть стремление к просветительной и научной деятельности» (С. 358).

В параграфе третьем речь идет о поддержке купцами просветительских акций в регионе. Автор связывает эти практики с участием купечества в структурах городского самоуправления, которым посвящен материал на С. 362-365. В тексте содержится материал о помощи региональной системе образования, создании воспитательных заведений для сирот, библиотек, книжных магазинов, театров, издательской деятельности купечества. В отношении мотивации купечества в деле просвещения Е. В. Комлева не приходит к какому-то одному мнению. По ее словам, «купцы вполне могли преследовать корыстные цели: привлечение внимания начальства; укрепление авторитета среди сограждан; создание для себя рынка квалифицированной рабочей силы, способной выполнять сложные задачи, связанные с вычислениями и общей эрудицией; рост покупательного спроса, например, на книжную продукцию». С другой стороны, «нельзя исключать и того, что купцами все же двигали искренность, милосердие, желание “быть полезными себе и другим”, может быть, даже стремление подготовить “обстоятельства для переустройства русской жизни на гуманистической основе”» (С. 376). Хотя в последней, пятой главе Евгения Владиславовна констатирует, что «представители делового мира Сибири прекрасно осознавали, что бизнесмен и альтруист – понятия мало совместимые, и не собирались действовать в ущерб личной выгоде, даже несмотря на публичное осуждение своего эгоизма» (С. 480-481).

Главным же результатом их деятельности по развитию народного просвещения стало включение Сибири в общероссийское культурное пространство, вклад в ментальное освоение региона, неизбежным следствием которого было распространение тенденций, присущих общественной жизни Европейской России» (С. 377).

Не можем согласиться с автором в том, что «формой просветительской активности сибирских купцов, близкой к музейной деятельности, можно считать их участие в различных экономических и этнографических выставках» (С. 387). Участие предпринимателей в промышленных выставках, на наш взгляд, не носило просветительского характера, а было направлено исключительно на реализацию коммерческих интересов – поиск деловых партнеров, расширение коммерческих контактов, рекламу собственной продукции как в России, так и за рубежом.

Церковно-благотворительную деятельность сибирского купечества Евгения Владиславовна рассматривает в качестве способа «приобщения аборигенного населения Сибири и других неправославных народов к русской культуре, ... укрепления среди них русского влияния» (С. 389), что соответствует общей тематике диссертации. Широкое распространение подобных благотворительных практик Е. В. Комлева связывает с общей религиозностью сибирского купечества, что тоже не вызывает возражений. *Однако спорным представляется мнение автора о том, что об искренности веры сибирских купцов можно судить по тому, что «многие томские купцы тесно общались с уважаемыми местными архиереями и священнослужителями, которые не только охотно принимали у себя купцов, но и делали ответные визиты» (С. 408). На наш взгляд, подобные контакты могли быть вызваны не столько «искренностью веры», сколько горячим желанием общения в сибирской глуши с образованным и эрудированным человеком, каковыми являлись многие архиереи.*

Последний параграф четвертой главы, в котором речь идет об освоении сибирскими купцами сопредельных и дальних территорий – Китая, Монголии, Японии, Аляски и др. – на наш взгляд, не имеет непосредственного отношения к заявленной теме, поскольку в ней говорится об освоении именно Северной Азии, т.е. внутренних колониальных территорий Российской империи. Хотя, конечно, деятельность сибирских коммерсантов за пределами Российского государства может расширить представления о

социокультурном облике сибирских предпринимателей (об их стремлении узнать историю и язык «соседей», познакомиться с обычаями и традициями зарубежья).

Пятая глава диссертации не нашла отражения в перечне исследовательских задач, может быть за исключением общей задачи по изучению источниковой базы исследования. Тем не менее, она нашла отражение в положениях, выносимых на защиту. Так, автор утверждает, что современники по-разному оценивали сибирских купцов и их социокультурные практики. При этом все они осознавали важность роли купцов в социуме, значения их деятельности для изучения и развития региона. В свою очередь, от купцов они требовали «проявления большей активности на ниве просвещения и благотворительности, побуждали купцов сотрудничать с властью в деле освоения Сибири и улучшению материальных условий быта сограждан» (С. 74).

Информация, сосредоточенная в пятой главе, носит очень глубокий информативный характер. Оценки современников позволяют глубоко проникнуть в мироощущение сибирского купечества, увидеть дополнительные грани их социокультурного облика. *Однако, материал пятой главы распределен по источникам оценочных суждений, а не по сферам осуществления купцами Сибири социокультурных практик, что несколько затрудняет его восприятие. Повторимся, что, по нашему мнению, информацию, заключенную в пятой главе, вполне можно было распределить по другим главам, сравнив собственную оценку сибирским купечеством своих социокультурных практик с оценками, даваемыми представителями различных групп сибирского общества.*

Еще раз подчеркнем, что части текста, так или иначе связанные с источниковедческим анализом, с глубокой работой с источниками, на наш взгляд, максимально «удались» автору диссертации.

В заключении автор излагает итоговые умозаключения и ответы на поставленные исследовательские задачи.

В целом, в процессе знакомства с работой возникает ряд вопросов и замечаний. Помимо тех, что были высказаны выше, хотелось бы остановиться еще на нескольких спорных моментах, а также задать автору несколько вопросов:

1. *Тексту диссертации несколько не хватает структурированности и системности, что затрудняет восприятие материала и не позволяет четко определить авторскую позицию по ряду вопросов.*

2. *Хотелось бы выяснить, что же сам автор понимает под «социокультурными практиками», какое смысловое наполнение он придает данному термину, какие компоненты, по его мнению, составляют структурное содержание этого понятия? Чем «социокультурные практики», по его мнению, отличаются от обычной деятельности?*

3. *Рассуждая о реакции сибирского купечества на завершение промышленного переворота, хочется узнать, было ли техническое переоснащение купеческих предприятий явлением повсеместным или предприниматели, в основном, предпочитали сохранять традиционные способы производства, а также выяснить, какая именно реклама (визуальная, аудио, печатная) имела в Сибири больший эффект?*

4. *В связи с разговором об интеллектуальном освоении купцами пространств Северной Азии, хотелось бы уточнить, какую роль представители сибирского купечества в своих научных изысканиях отводили коренному населению Сибири? Были ли это аборигены, которых следовало подвергнуть изучению, как малоизвестных представителей природного мира Сибири, или они воспринимались как объект просветительских практик?*

Высказанные вопросы и замечания носят дискуссионный характер и не снижают в целом положительного впечатления от диссертации.

Изложенные в работе Евгении Владиславовны Комлевой положения обладают несомненной научной новизной. Автор, обобщив работы предшественников, определил

наиболее распространенные хозяйственные, интеллектуальные, духовные и социальные практики купечества, применяемые ими в деле освоения Северной Азии. В процессе работы над научной проблемой автор пришел к интересным самостоятельным выводам, которые представляются значимыми для исследователей, занимающихся вопросами исторической антропологии и социальной истории.

Диссертация представляет собой самостоятельно выполненное законченное исследование. Личное участие автора заключается во введении в научный оборот новых архивных источников; в осуществлении комплексного междисциплинарного исследования, позволяющего увидеть преобладающие тенденции в профессиональной и общественной деятельности купечества Сибири и их динамику на протяжении конца XVIII – конца XIX в.

Объективность и достоверность полученного научного результата достигается через использование сравнительного метода в отношении используемых исторических источников различного характера. Все заимствования, осуществленные автором в тексте, сделаны корректно, с указанием источника информации.

Апробация работы была осуществлена автором в рамках более чем 90 научных публикаций, в том числе 2 авторских монографий, 5 публикаций в журналах, входящих в базу данных Web of Science и Scopus, 17 публикаций в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня ВАК, а также в ходе выступлений на международных и всероссийских конференциях

Диссертационная работа Евгении Владиславовны Комлевой «Сибирское купечество: социокультурные практики в контексте освоения Северной Азии (конец XVIII-XIX век)» является законченным научным исследованием по актуальной проблеме. В работе представлены результаты, имеющие важное научное и практическое значение для отечественной исторической науки. Результаты исследования вносят вклад в решение ряда актуальных задач российской исторической науки, связанных с процессом инкорпорации пространств Северной Азии в состав Российской империи на протяжении конца XVIII – конца XIX в.

Диссертационная работа соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Евгения Владиславовна Комлева заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором, профессором кафедры истории России, проректором по научной работе ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» Еленой Вадимовной Бурлуцкой.

Профессор кафедры истории России,
доктор исторических наук (07.00.02),
профессор, проректор по научной работе
Елена Вадимовна Бурлуцкая

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «ОГПУ»), Министерство просвещения Российской Федерации, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19, каб. 335.

E-mail: nauch_chast@ospu.ru

Тел. раб. 8(3532)77-07-13. Сайт: <https://ospu.ru>

27 ноября 2020 г.

